

ГДЕ
ТОНКО,

ТАМ И РВЕТСЯ
**ПОЧЕМУ ГАЗОВЫЙ РЫНОК
ОКАЗАЛСЯ СТОЛЬ УЯЗВИМ
К КРИЗИСУ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ?**

Во время нефтяных шоков 1970-х годов и танкерной войны 1980-х из Персидского залива на мировой рынок шла почти исключительно сырая нефть. Это были, по сути, монотоварные кризисы, парализовавшие мировую экономику через дефицит нефти и рост ее стоимости. С тех пор экономика залива преобразилась, и, вероятно, основное отличие кризиса 2026 года в широте товарных рынков, которые он затронул не опосредованно через нефть, а уже напрямую – от нефтепродуктов, серы, гелия,

АЛЕКСЕЙ БЕЛОГОРЬЕВ,
директор по исследованиям
Института энергетики и финансов

углекислого газа до удобрений, полимеров и алюминия. И среди наиболее пострадавших неожиданно для многих, если не для всех, оказался рынок природного газа.

Имидж природного газа в сознании большинства людей связан с его сжиганием для получения тепла и электроэнергии – будь то ТЭС, котельные или домашние газовые плиты. Но кризис 2026 года – яркое свидетельство того, что значение природного газа намного больше его прямого энергетического использования. Стало очевидно, что природный газ – фундамент длинной цепочки добавленной стоимости (азотные удобрения, полимеры, пластики, синтетические ткани и пр.)

и основа для производства многих побочных продуктов, включая такие незаменимые для многих отраслей промышленности, как гелий или сера.

Подсчет потерь

Если для рынка нефти основным содержанием кризиса весны 2026 года стало перекрытие Ормузского пролива, то для рынка газа к этому фактору добавились удары по производству СПГ в Катаре, нанесенные Ираном 2 и 18 марта с использованием беспилотников и баллистических ракет. Особенно разрушительным стал второй из них.

Нефтяная инфраструктура арабских стран Персидского залива и самого Ирана также пострадала в ходе боевых действий в марте-апреле 2026 года. Но уровень невосполнимых производственных потерь для нефтяной отрасли оказался значительно меньше, несмотря на несопоставимо большее число ударов. Нефтяная инфраструктура продемонстрировала высокую жизнеспособность. Газовую же отрасль Катара подвела избыточная концентрация и низкая ремонтпригодность объектов сжижения и компрессии газа, а также их предельная уязвимость к детонационным нагрузкам.

Газовый завод в ОАЭ

Комплекс Ras Laffan в Катаре

Впрочем, все то же самое, вероятно, справедливо и в отношении терминалов производства и регазификации СПГ в любой другой стране мира.

ТЕПЕРЬ ОЧЕВИДНО, КАКОЙ ОГРОМНЫЙ РИСК БЫЛ ЗАЛОЖЕН ИЗНАЧАЛЬНО В СПГ-ИНДУСТРИИ КАТАРА – КРАЙНЯЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ВСЕХ МОЩНОСТЕЙ В ОДНОЙ КОМПАКТНОЙ ТОЧКЕ

На заводах по сжижению газа, естественно, проводится ежегодное плановое техобслуживание, а также случаются аварии. Но даже когда это крупная потеря, как, например, 8-месячный про-

стой техасского завода Freeport LNG в 2022–2023 годах, то с рынка одновременно выбывает условно 15 млн тонн годовой мощности. Отгрузки СПГ из Катара в 2025 году достигали 81 млн тонн, или более 18% мирового предложения, – совсем другой масштаб. Ничего подобного на рынке СПГ еще не случилось, тем более что Катар пользовался устойчивой репутацией наиболее надежного поставщика.

Катарский СПГ производится на 14 технологически самостоятельных линиях сжижения, построенных в разное время – с 1996 по 2011 год. Однако все они расположены буквально бок о бок на небольшом участке береговой

линии у мыса Рас-Лаффан, примерно в 80 км севернее столицы страны Доха. И представляют собой, по сути, единый сверхплотный промышленный кластер с общими узлами энергообеспечения, подачи технической воды, газоподготовки и общим экспортным терминалом. Суммарная проектная мощность всех линий составляет 77 млн тонн в год, но фактическое производство в 2025 году превысило 81 млн тонн благодаря модернизации оборудования и сокращению простоев на техобслуживание (здесь и далее значения по морским отгрузкам и разгрузкам СПГ основаны на данных отслеживания судов Eikon Refinitiv и могут отличаться от оценок в других источниках, включая GIIGNL и IGU).

В зависимости от времени ввода в эксплуатацию катарские линии имеют разную мощность: 3,1 млн (1996–1998 годы), 3,3 млн (1999–2000), 4,7 млн (2004–2007) и 7,8 млн тонн в год (2009–2011). Иранские удары пришлось по двум из шести наиболее крупных линий, построенных в 2009–2010 годах, общей проектной мощностью 15,6 млн т/г. Это линии № 4 и № 6, принадлежащие совместному предприятию QatarEnergy и ExxonMobil.

Детальные данные о повреждениях не опубликованы, но предварительно речь идет о прямом

Промышленная площадка и терминалы комплекса Ras Laffan

Саад Шерида аль-Кааби

попадании ракет в теплообменные башни и компрессоры охлаждения. И они подлежат не ремонту, а замене, с чем связан длительный срок ожидаемого восстановления – от 3 до 5 лет.

Объем производства СПГ в Катаре по отдельным технологическим линиям не отражен в доступной статистике. Если исходить из проектной мощности поврежденных линий, а также того, что производство в Катаре, как уже отмечалось, превышает проектную мощность, выбить может до 16,5 млн тонн годового предложения, в том числе в 2026 году около 13,8 млн тонн с учетом устойчивой работы этих линий в январе-феврале.

Но глава QatarEnergy и по совместительству министр энергетики Катара Саад аль-Кааби заявил 19 марта, сразу после иранского удара, о выбытии в течение 3–5 лет не 15,6 млн, а 12,8 млн тонн мощностей в год, или 17% от общей установленной мощности (эти значения соответствуют друг другу, поэтому речь идет именно о проектной мощности). Это расхождение может быть связано как с недогрузкой линий к моменту атаки, так и с планами QatarEnergy по оптимизации производства. Поскольку у нас на основе открытых данных нет возможности проверить оценку QatarEnergy, в качестве допущения примем ее как более точную. А с учетом превышения проектной мощности в среднем по Катару на 5,4% в 2025 году, даже 12,8 млн т/г проектных мощностей означает потерю не менее 13,5 млн т/г, или 11,2 млн тонн в марте-декабре 2026 года.

Повреждено и заперто

Еще больший удар по предложению СПГ на рынке нанесло блокирование Ормузского пролива. Более 93% катарского СПГ отгружается за пределы Персидского залива. Внутри залива основные его поставки идут в Кувейт (5 млн тонн в 2025 году) и в незначительной мере в ОАЭ и Бахрейн (суммарно 0,3 млн тонн в 2025 году). Кувейт – единственная страна, куда в марте-апреле Катар продолжал отгрузки СПГ: были загружены и разгружены восемь танкеров общей массой груза 0,54 млн тонн. С учетом остановки производственных линий источником СПГ, видимо, были накопленные операционные запасы, по-

ПЕРЕКРЫТИЕ ОРМУЗКОГО ПРОЛИВА В СОЧЕТАНИИ С ТОЧНЫМИ УДАРАМИ ПО ПРОИЗВОДСТВАМ ОКАЖЕТ СЕРЬЕЗНОЕ ВЛИЯНИЕ НЕ ТОЛЬКО НА СПГ-ИНДУСТРИЮ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА, НО И НА ГЛОБАЛЬНУЮ ЛОГИСТИКУ ГАЗА

этому сохраняющийся экспортный ручеек мало влияет на годовое предложение СПГ.

Массовые отгрузки за пределы Персидского залива из Катара были остановлены 2 марта 2026 года. Половина загруженных в конце февраля – начале марта судов дошли до потребителей (в Индии и Пакистане)

СПГ-терминал на мысе Рас-Лаффан

в середине – второй половине апреля, воспользовавшись, видимо, короткими и хаотичными перерывами в блокировании Ормузского пролива. Но не менее двух загрузенных в тот же период танкеров так и не смогли, по состоянию на конец апреля, покинуть залив.

В любом случае суммарные отгрузки катарского СПГ в марте-апреле 2026 года составляют менее 1 млн тонн по сравнению с 14,4 млн тонн за аналогичный период 2025 года. То есть только за эти два месяца мировой рынок недосчитался около 11 млн тонн СПГ с уцелевших двенадцати технологических линий в Катаре. Каж-

дый последующий месяц блокады залива означает потерю еще до 5 млн тонн с этих линий.

Если рассматривать умеренно благоприятный сценарий, при котором работа 12 из 14 катарских линий будет полностью восстановлена с 1 июня 2026 года, то суммарно в 2026 году отгрузки катарского СПГ снизятся до 54 млн т/г, или почти на 27 млн тонн (-33,5%) к 2025 году.

К этому необходимо добавить не поврежденные, но также блокированные в Персидском заливе мощности единственного завода по производству СПГ Das Island в ОАЭ проектной мощностью 5,8 млн т/г. В отличие от катарского, он работает ниже проектной мощности:

в 2022–2024 годах отгрузки колебались на уровне 5,1–5,6 млн т/г, а в 2025 году сократились, по предварительным данным, до 4,7 млн тонн из-за роста внутреннего спроса и масштабных технологических работ. В 2026-м отгрузки с него могли бы составить около 5 млн тонн. Если исходить из того же допущения, что отгрузки будут восстановлены с 1 июня, то годовое производство упадет примерно до 3,7 млн т/г, то есть рынок недосчитается еще 1,3 млн тонн предложения СПГ. Каждый последующий месяц блокады означает выбытие с рынка еще около 0,4 млн тонн из ОАЭ.

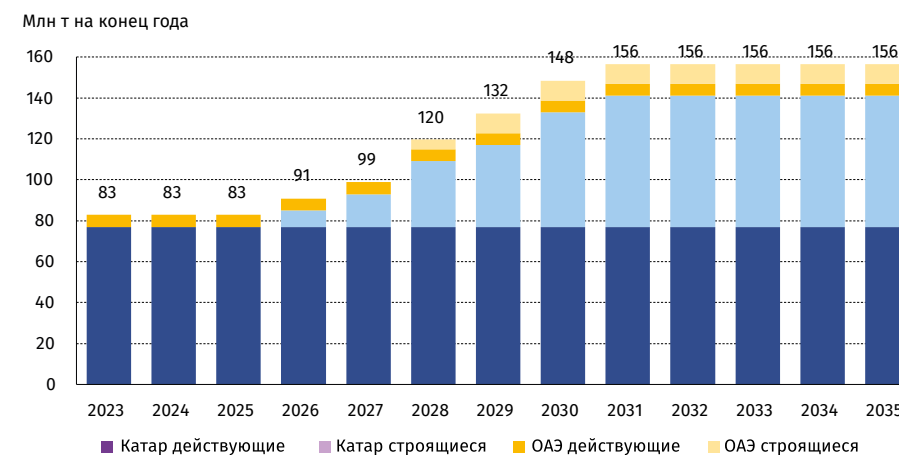
РЫНОК ГАЗА В 2026 ГОДУ ПОТЕРЯЕТ МИНИМУМ 30 МЛН ТОНН ПРЕДЛОЖЕНИЯ. БОЛЕЕ ТОГО, МНОГИЕ ПЛАНЫ ВВОДА НОВЫХ МОЩНОСТЕЙ В РЕГИОНЕ ЗАЛИВА СТАЛИ НЕВЫПОЛНИМЫ ПО СРОКАМ

В сумме выбытие предложения сжиженного газа из Персидского залива в 2026 году можно оценить на уровне не менее 28,5 млн т/г при условии, что все линии сжижения в Катаре и ОАЭ, кроме поврежденных, возобновят полноценную работу к 1 июня, что по состоянию на конец апреля 2026 года представляется оптимистичной оценкой.

СПГ-завод Das Island в ОАЭ

Рисунок 1. Планы увеличения установленных мощностей экспорта СПГ в Катаре и ОАЭ по состоянию на февраль 2026 года

Источники: оценки автора, GIGNL, Eikon Refinitiv, ЦЦИ

Срыв сроков для новых мощностей

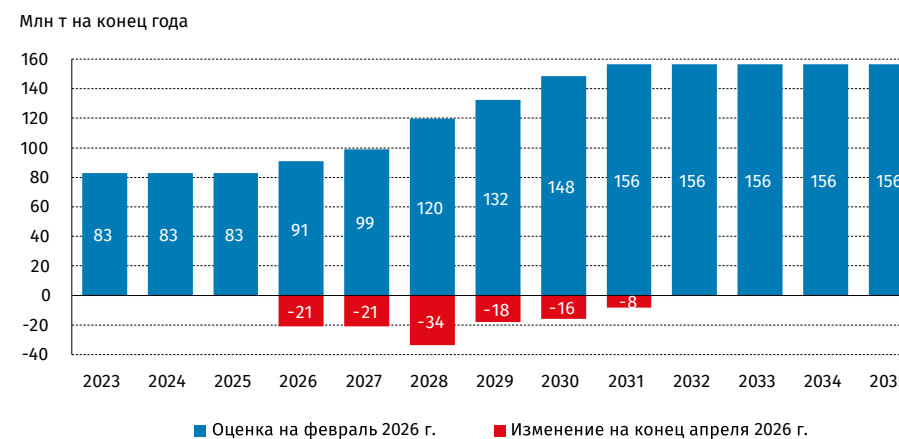
Но и это далеко не все. Война нанесла удар не только по текущему производству Катара, но и по графику ввода его новых мощностей сжижения. А он должен был наконец начаться как раз в 2026 году.

В мире во 2-й половине 2010-х годов сложилась большая четверка производителей СПГ: Катар, Австралия, США и Россия. С 2015 по 2024 год она обеспечила 98% (!) мирового прироста мощностей СПГ. И если в 2015 году они вместе контролировали 48,5% междуна-

родной торговли СПГ, то начиная с 2022 года их доля закрепилась выше 68% и будет и дальше расти. При этом строительный бум в Австралии, будораживший мировой рынок в 2016–2019 годах, давно закончился и в силу ресурсных ограничений не возобновится.

У оставшейся же тройки лидеров амбиции по приросту экспортных мощностей бьют через край, что прямо вело мировой рынок СПГ к перепроизводству. Тем более что на фоне высокого спроса и резкого роста цен на СПГ после 2021 года начался меньший по масштабу, но все же весьма заметный производственный бум

Рисунок 2. Суммарное изменение установленных мощностей по экспорту СПГ в Катаре и ОАЭ

Источники: оценки автора, GIGNL, Eikon Refinitiv, ЦЦИ

и в других странах – Канаде, Мексике, Нигерии, Папуа – Новой Гвинее, Мозамбике, Республике Конго и в тех же ОАЭ.

По сути, на рынке СПГ в 2020–2030-е годы сформировались три основных конкурента, амбиции которых прямо сталкиваются друг с другом. Это США, Россия и Катар. Позиции России Соединенные Штаты под предлогом украинского конфликта активно сдерживают санкциями. Но с Катаром бороться такими методами США не могли, поскольку он их ближайший союзник. И здесь невероятно кстати случилась война с Ираном и удивительно прицельные удары Ирана по производственным мощностям Катара.

Катарская «птица» была подбита на взлете. Планировалось, что только до конца 2028 года страна увеличит свою общую установленную мощность на 41%. Это 32 млн т/г из примерно 141 млн т/г (23%), которые должны были быть введены в эксплуатацию в мире в 2026–2028 годах. Всего до 2030–2031 годов включительно Катар планировал запустить в том же Рас-Лаффане 8 новых производственных линий по 8 млн т/г каждая, то есть суммарно 64 млн т/г.

Еще до начала войны в заливе сроки ввода новых линий в Катаре постепенно сдвигались вдале, в основном по технологическим причинам. Запуск первой линии первоначально планировался еще в конце 2023 года, но по состоянию на февраль 2026-го перенос срока составлял уже три года – он ожидался в 4-м квартале текущего года. В середине 2027-го планировалось запустить вторую линию, а в начале 2028-го – третью.

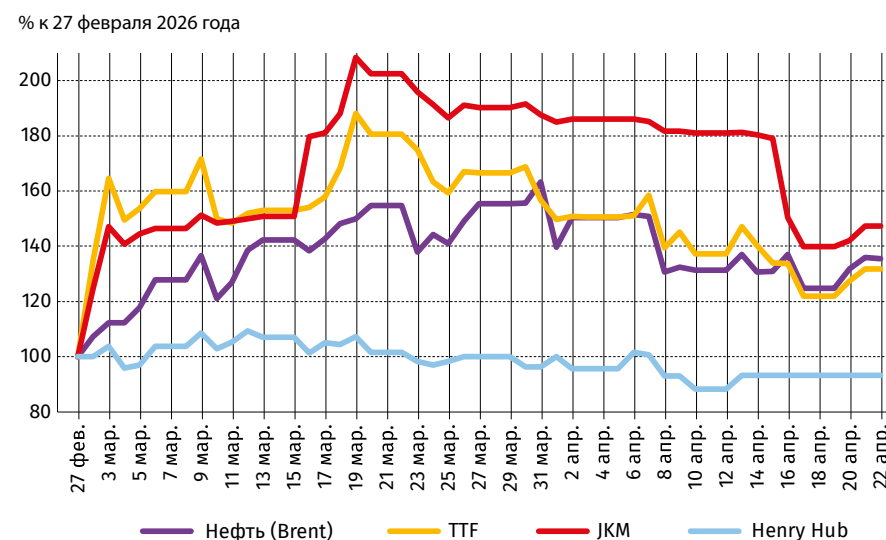
На данный момент речь может идти о запуске первой линии только в 4-м квартале 2027 года. Задержка обусловлена текущей остановкой строительства, срывом сроков поставок оборудования и комплектующих, массовым исходом иностранных инженеров и строительных рабочих,

необходимостью расконсервации стройки (чистки от песка, проверки коррозии швов и пр.) и отвлечением внимания и ресурсов на восстановление работы поврежденных имеющихся линий. При благоприятных условиях полноценное строительство может возобновиться только осенью 2026 года, что связано также с сезонным фактором – с июня по сентябрь из-за экстремально жаркой погоды в регионе действуют ограничения на проведение строительных работ, это полумертвый сезон для строительной отрасли.

В целом сдвиг сроков ввода всех новых линий в Катаре пока можно оценить в один год. Аналогичная задержка ожидается и в ОАЭ, где новые мощности планировалось ввести в эксплуатацию в два этапа в 2028–2029 годах. С учетом выбытия мощностей катарских линий 4 и 6 пиковое изменение придется на 2028 год.

КАТАР ПОЧТИ ВСЕЙ СВОЙ СПГ ЭКСПОРТИРУЕТ ПО ДОЛГОСРОЧНЫМ КОНТРАКТАМ. ВЫБЫВШИЙ ОБЪЕМ СЕЙЧАС ПЕРЕКЛАДЫВАЕТСЯ НА СПОТОВЫЙ РЫНОК, ЧТО СРАЗУ ВЗВИНЧИВАЕТ ЦЕНЫ

Рисунок 3. Изменение спотовых цен на газ и нефть в марте-апреле 2026 года

Источники: оценки автора, Eikon Refinitiv, EIA

В 2025 году морские отгрузки СПГ в мире достигли 437 млн тонн (+7% г/г) без учета реэкспорта из стран-импортеров. Из данного объема международная торговля, за вычетом собственных поставок на внутренние рынки стран-производителей (главным образом в Индонезии), составила около 430 млн тонн. При этом на рынке сохранялся небольшой дефицит предложения – последнее можно оценить в 433 млн тонн. В 2026 году, по оценкам ИЭФ и ЦЦИ, ожидался рост предложения СПГ до 470 млн

тонн, в 2027-м – до 503 млн тонн и формирование умеренного профицита. Кризис в Персидском заливе вернул рынок СПГ вновь в состояние дефицита, который затянется до конца 2027 года. Лишь в 2028 году возможно насыщение рынка и формирование избытка.

Ценовые качели

Дополнительной проблемой стало то, что Катар – один из самых консервативных поставщиков в мире: 90% экспорта, по данным на 2024 год, все еще приходилось на долгосрочные контракты длительностью более 5 лет. Для сравнения, у США в 2024 году таких было только 40%. Это означает, что даже недолгий срыв графика отгрузок из Катара заставляет покупателей, обычно полагающихся на долгосрочный контракт, срочно выходить на спотовый рынок, что сразу взвинчивает спотовые цены.

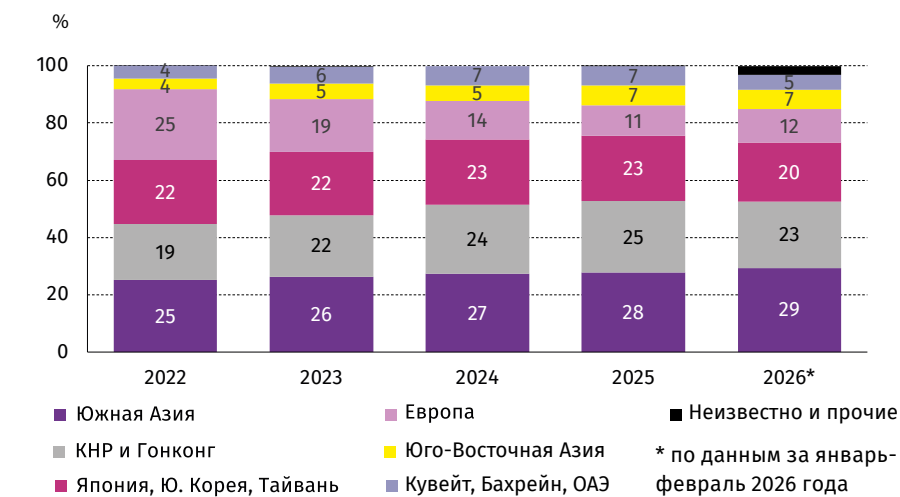
Рост цен на газ в марте-апреле 2026 года существенно сдерживался сезонным фактором – отопительный сезон в северном полушарии к началу войны уже завершился и началось межсезонное сокращение спроса. Если бы не это, реакция была бы более острой.

На рынке газа наблюдался резкий рост спотовых цен в январе

газовая зависимость Европы от Персидского залива относительно невелика.

Наиболее сильно от катарского газа зависит страны Южной и Восточной Азии. В 2025 году на Катар пришлось 99% всех морских поставок СПГ в Пакистан, 60% в Бангладеш и 46,5% в Индию. В Юго-Восточной Азии катарский газ менее популярен, но он доминирует в Сингапуре (47%). В Восточной Азии от него больше всего зависят Тайвань (34% импорта СПГ), Гонконг (32,5%) и КНР (29%).

Рисунок 4. Структура морских отгрузок СПГ из Катара по направлениям поставок

Источники: оценки автора, Eikon Refinitiv

2026 года из-за погодных условий (в Европе январь выдался самым холодным с 2010 года) и низких запасов в подземных хранилищах ЕС. Но к середине февраля этот ценовой «пузырь» сдулся. И к началу войны в Персидском заливе спотовые цены на газ были выше начала года лишь на 11%, тогда как цены на нефть – на 16%.

Но в первые дни войны реакция рынка газа была болезненной. На локальном пике 3 марта 2026 года спотовые цены на газ увеличились (к уровню 27 февраля) на 65% в Европе и на 47% в Азии, а цены на нефть – лишь на 12%.

Пикового значения цены на газ в Азии и Европе достигли 19 марта – на следующий день после разрушительного иранского удара по Рас-Лафгану. Существенное снижение цен наметилось лишь в середине апреля на фоне завершения активных боевых действий и крайне ограниченного, но все же возобновления движения судов-газовозов через Ормузский пролив. Продолжает сказываться также и отмеченный выше сезонный фактор.

Если в первые дни войны спотовые цены в Европе реагировали на кризис острее азиатских, то начиная с середины марта азиатские индексы устойчиво и существенно

превышают их. На локальном пике 10–15 апреля азиатская ценовая «премия» (JKM к TTF) достигала 25–27%. Основной причиной является структура поставок СПГ из Катара и ОАЭ. Больше 82% поставок из Катара приходится на азиатский рынок. В 2025 году поставки из Катара в ЕС составили лишь около 8,3 млн тонн (8% импорта ЕС), в Великобританию – еще около 0,6 млн тонн. ОАЭ после 2023 года ничего в Европу не поставляют. В Турцию поставок в последние годы тоже нет. То есть прямая

Хрупкость рынка

Отличие от нефти, у рынка газа не было до 2026 года опыта «танкерной войны» и в целом проблем с Персидским заливом. Напротив, Катар, ОАЭ и Оман как поставщики считались образцом надежности. Все геополитические кризисы вокруг газа последних десятилетий касались трубопроводного газа, чаще всего поставок и транзита российского газа в Европу. Рынок СПГ не привык к таким потрясениям.

Отчасти по этой причине, но во многом в силу технологических ограничений на рынке СПГ нет сопоставимых с рынками нефти и нефтепродуктов коммерческих

запасов и совсем отсутствуют стратегические. По сути, рынок работает с минимальными складскими запасами в танкерах, на заводах по сжижению и регазификационных терминалах. И их основная задача – поддержание непрерывного технологического процесса отгрузки и разгрузки СПГ.

Для нефти и нефтепродуктов норматив IEA по запасам, как известно, составляет не менее 90 дней чистого импорта, и большинство стран ОЭСР, в том числе страны ЕС, на начало 2026 года его выполняли. Общая емкость хранения СПГ в ЕС составляет, по данным GIE, всего 12 суток чистого импорта, если отталкиваться от

средних значений за февраль 2026 года. На начало марта 2026 года запасов СПГ в ЕС хватало менее чем на 7 суток чистого импорта, резервуары были заполнены лишь на 54%, что является даже высоким сезонным уровнем.

ГАЗОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ЕВРОПЕ, ДА И В ДРУГИХ РЕГИОНАХ МИРА ТОЖЕ, ОРИЕНТИРОВАНА В ОСНОВНОМ НА СЕЗОННЫЕ КОЛЕБАНИЯ СПРОСА И НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ ДОЛГОСРОЧНОГО ХРАНЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАПАСОВ НА СЛУЧАЙ ПЕРЕБОЕВ ПОСТАВОК

Дополнительно все это усугублялось истощенными запасами и в подземных хранилищах ЕС: к началу марта в них оставалось менее 30% мощности активного газа против 37% в 2025 году и 62% в 2024-м. Это породило дополнительную чувствительность к любым сбоям в поставках. Поэтому незапланированная остановка производства в Катаре даже на несколько суток в этих условиях стала совсем не заурядным событием.

Также к началу войны в мире почти отсутствовали реальные свободные мощности сжижения, за исключением российских заводов, находящихся под санкциями США. Профицит, о котором шла речь выше, лишь начинал складываться, и баланс на рынке был околоулевым.

Последствия для рынка морских перевозок

На фоне кризиса в Персидском заливе относительно незаметным осталось повреждение 3 марта 2026 года в Средиземном море российского газовоза Arctic Metagaz. Между тем это первая в истории успешная военная атака на СПГ-танкеры, хотя они ходили

по морям к тому моменту уже 67 лет – с 1959 года.

Строго говоря, самым первым случаем была неудачная попытка атаки на испанский газовоз Galicia Spirit в октябре 2016 года в Баб-эль-Мандебском проливе, до сих пор нет единой версии, кто именно за нее ответственен. Но тогда нападавшие использовали ручной противотанковый гранатомет, стреляя с моторной лодки, и не смогли пробить внутренний танк с газом. Судну потребовался доковый ремонт, но ни система охлаждения, ни сами емкости с СПГ не пострадали.

В этот раз судно было атаковано украинскими морскими дронами с побережья Ливии (это официальная российская версия, подтверждаемая международными оценками; Украина прямо не подтвердила, но и не опровергла свое участие). В первые дни были сообщения, что Arctic Metagaz утонул, но вскоре выяснилось, что он остается на плаву, находится в критическом состоянии и бесконтрольно дрейфует по Средиземному морю. Власти Ливии официально объявили судно «экологической и навигационной угрозой» и просят все корабли соблюдать дистанцию не менее 5 миль от

него. Попытки его буксировки к берегу пока не удаются.

23-летний Arctic Metagaz (IMO 9243148), часть крошечного «теневого» флота завода «Арктик СПГ 2», совершал всего свой третий рейс от перевалочного пункта «Саам СПГ» в Баренцевом море в китайский порт Бэйхай. Первые два рейса, судя по всему, он шел длинным путем, огибая мыс Доброй Надежды, а в этот раз решил рискнуть и пошел к Суэцкому каналу. Но не дошел. На борту было 58 тыс. тонн СПГ.

Судно это, в отличие от многих российских нефтяных танкеров, было «российским» во всех смыслах – шло под российским флагом (с апреля 2025 года), управлялось петербургской компанией и всю команду составляли, по данным СМИ, граждане России.

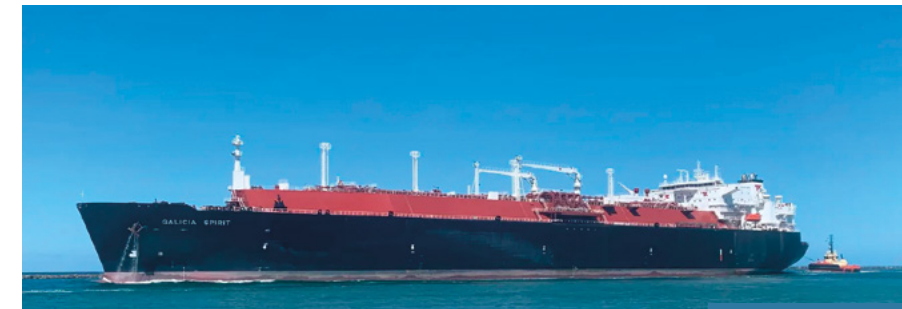
Не считая газовозов ледового класса «Кристоф де Маржерии» и нового «Алексея Косыгина», всю логистику «Арктик СПГ 2» обеспечивали на начало 2026 года лишь 8 газовозов, из них на Arctic Metagaz приходилось 10% мощности. Так что это крупная утрата. Рынок газовозов несопоставимо меньше рынка нефтеналивного флота, и каждое судно здесь почти «на вес золота».

ЛОГИСТИКА СПГ РАНЕЕ ПОЧТИ НЕ СТАЛКИВАЛАСЬ С УГРОЗАМИ В МОРЕ, С КОТОРЫМИ ЗНАКОМЫ НЕФТЯНЫЕ ТАНКЕРНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

Атака на Arctic Metagaz наряду с долгосрочными рисками безопасности судоходства в Персидском заливе, Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах – беспрецедентный вызов для рынка фрахта и страхования СПГ-танкеров. Если даже Средиземное море («внутреннее озеро» НАТО) стало зоной беспрепятственного морского пиратства, то безопасных и дешевых маршрутов в мире не осталось. Если дронами можно потопить российский газовоз, то можно и любой другой – прецедент создан.

Наверняка подорожает и стоимость строительства газовозов – в их конструкцию придется вносить усиленную защиту корпуса по ватерлинии, гася энергию взрыва, и увеличивать балластную устойчивость, чтобы обеспечить выживаемость. Это неизбежно ведет к увеличению веса судна, а значит, к снижению его полезной нагрузки и увеличению расхода топлива.

Крупнейшими судостроителями (HD Hyundai, Hudong-Zhonghua и др.) уже обсуждается включение в стандартную комплектацию газовозов систем РЭБ, оптико-электронных станций, лазерных радаров и даже дистанционно управляемых пулеметных модулей с ИИ-радарами для обнаружения низкопрофильных целей (возвышающихся над поверхностью воды обычно в

▲ Газовоз Galicia Spirit был атакован пиратами в 2016 году
▼ Газовоз Arctic Metagaz до инцидента 2026 года

Атаки на газовозы, особенно недавняя, разрушительная для Arctic Metagaz, вынудят судостроителей предусматривать риски, что приведет к удорожанию судов и, соответственно, всей логистики глобальной СПГ-индустрии

пределах 80 см). Все это попутно ведет к увеличению сроков проектирования и постройки судов.

Газовозы с российским грузом, вероятно, будут вынуждены избегать маршрута через Средиземное море в Суэцкий канал. Это означает, что один рейс (туда-обратно) вместо 60 будет занимать 80-90 суток и средняя оборачиваемость судна от Мурманской области до Бэйхая снизится с 6 до 4 рейсов в год. Это усугубляет и без того острый дефицит флота и снижает привлекательность мурманской перевалки в Китай, на которую в последние месяцы «Арктик СПГ 2» делал ставку, поскольку это в три раза увеличивало оборачиваемость еще более дефицитных судов ледового класса Arc7.

Последствия для спроса

Купировать дефицит СПГ, созданный в 2026–2027 годах кризисом в Персидском заливе, с помощью альтернативного предложения маловероятно. На рынке СПГ традиционно высок процент незадействованных мощностей, в отдельные годы он доходит до 15–20%. Но во многом это связано с временным лагом: новые мощности, формально уже учитываемые в балансе, не сразу и не в полном объеме начинают коммерческие отгрузки. Но целый ряд заводов действительно работает не на полную мощность в силу прежде всего проблем с поставками сырья (из-за снижения добычи или опережающего роста внутреннего спроса), а также аварийными остановками, санкциями и пр.

БЫСТРО СГЛАДИТЬ ДЕФИЦИТ СПГ МОГЛА БЫ ДОЗАГРУЗКА НЕЗАДЕЙСТВОВАННЫХ МОЩНОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ У РОССИИ, НО СНЯТИЕ САНКЦИЙ КРАЙНЕ МАЛОВЕРОЯТНО

В 2025 году лидерами по недозагрузке установленных мощностей были Алжир, Россия, Египет, Нигерия, Индонезия, Тринидад и Тобаго

и Малайзия. Только в случае России проблемы связаны с внешними ограничениями, во всех остальных – причина в недостатке сырья, который чаще всего носит хронический характер, поэтому производство вяло реагирует или вообще не реагирует на рост спотовых цен.

Таким образом, возможности дозагрузки действующих мощностей крайне ограничены. В основном они есть у России в случае снятия санкций США и ЕС, но маловероятно, что они на это пойдут. Ускоренное введение уже строящихся новых мощностей сжижения также маловероятно в силу технологических ограничений.

По этой причине ключевым механизмом сглаживания дисбаланса на рынке в 2026–2027 годах, по нашей оценке, будет, как и в 2022–2024 годах, сжатие спроса, особенно в азиатских странах. Европа, готовая к более высоким спотовым ценам, будет вновь «перетягивать одеяло» на себя, чтобы восполнить истощенные запасы в ПХГ и подготовиться к эмбарго на российский СПГ в ЕС с 1 января 2027 года.

В результате только в 2026–2027 годах мировое потребление газа может оказаться по меньшей мере на 40 млрд м³ за период меньше ожидавшегося спроса – только в силу дефицита СПГ, даже без учета дополнительного негативного эффекта от роста спотовых и контрактных цен (последние начнут расти во 2-м полугодии 2026

года вслед за стоимостью нефти и нефтепродуктов).

В отличие от Европы, во многих азиатских странах остается возможность замещения газа углем в электроэнергетике. Но отрасли промышленности, где газ используется как сырье, в частности, для производства азотных удобрений, столкнется, очевидно, с вынужденным сокращением производства.

Ситуация со спросом и предложением настолько неопределенная, что в обзоре рынка газа за 2-й квартал 2026 года, опубликованный 24 апреля, IEA вопреки традиции отказалось от развернутой публичной оценки на 2026 год. В предыдущем обзоре от января 2026 года агентство прогнозировало рост мирового спроса на газ в 2026 году на 85 млрд м³, или 2% г/г.

Последствия кризиса в Персидском заливе для спроса выходят, на наш взгляд, далеко за рамки 2026–2027 годов. Кризис пришелся на момент, когда спотовые цены на газ должны были перейти к долгосрочному снижению, что повышало конкурентоспособность газа в энергетической конкуренции и в качестве «переходного топлива» в процессе декарбонизации. До этого начиная со 2-й половины 2021 года международная торговля газом функционировала в условиях хотя и волатильных, но в целом высоких спотовых цен, не приемлемых для многих потенциальных потребителей.

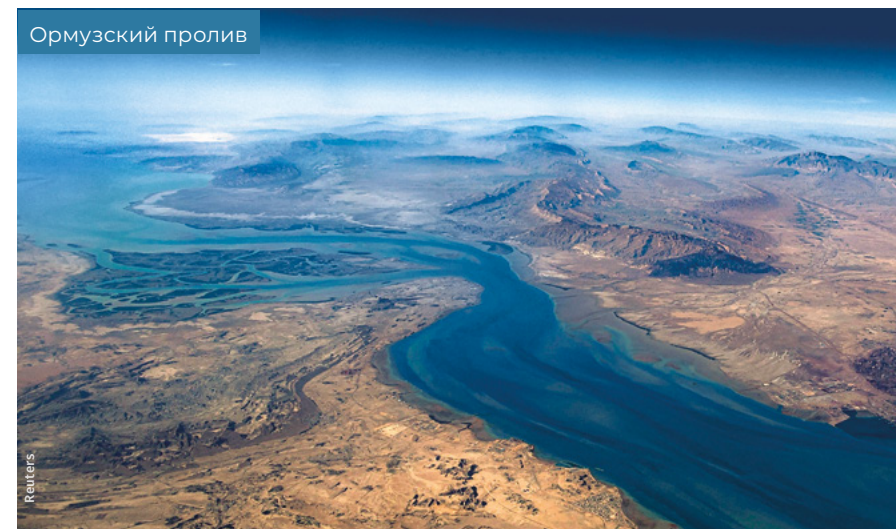
Затягивание этого периода еще по меньшей мере на два года будет подталкивать их к отказу от газа в пользу других альтернатив, прежде всего дополнительных инвестиций в солнечную и ветровую генерацию, и без того бурно растущую во многих азиатских странах.

На газовом рынке кризис в Персидском заливе наложился на все еще незавершенный кризис, вызванный экономически иррациональным отказом Европы от российского трубопроводного газа. Искусственный дефицит газа в ЕС, вызванный разрывом российско-европейских энергетических связей, привел к резкому росту европейского спроса на СПГ, создав дефицит предложения газа в 2022–2025 годах. Рынок СПГ стал для Европы «спасательной лодкой» в этот период, но теперь и она получила большую пробоину.

Если бы российский трубопроводный газ оставался в Европе, а российский экспорт СПГ не был ограничен санкциями, перебои с поставками катарского газа в 2026–2027 годах имели бы весьма ограниченный эффект для рынка. Драматичность и глубину происходящему придает именно резонанс двух кризисов разной природы, создавших кумулятивный эффект, когда один кризис обостряет другой.

Прочь из тихой гавани

Газовый рынок, повторимся, в отличие от нефтяного, не готовился к происходящему форс-мажору. Удар по нему пришелся оттуда, откуда его совсем не ждали. Персидский залив считался на рынке СПГ чем-то вроде «тихой гавани», а Катар и ОАЭ как поставщики – образцами надежности и предсказуемости. Катар годами успешно монетизировал этот репутационный капитал, добиваясь эксклюзивных контрактных условий – и по цене, и по длительности контрактов, и по ограничениям на

перепродажу газа. Это был единственный крупный производитель в мире, у которого доля долгосрочных контрактов (свыше 5 лет) в продажах еще в 2024 году составляла 90%. У всех остальных она колеблется в основном в диапазоне 40–75%.

Поэтому основное долгосрочное последствие кризиса 2026 года – подрыв доверия к Катару, ОАЭ и, возможно, также к соседнему Оману в качестве якорных поставщиков.

КАТАР И ОАЭ ВСЕГДА БЫЛИ САМЫМИ НАДЕЖНЫМИ ПОСТАВЩИКАМИ СПГ НА МИРОВЫЕ РЫНКИ. УТРАТА ЭТОЙ РЕПУТАЦИИ УДАРИТ НЕ ТОЛЬКО ПО НИМ, НО И ПО ВСЕМУ РЫНКУ

Для большинства импортеров СПГ в мире характерна высокая диверсификация источников поставок. Не класть все яйца в одну корзину – это кредо данного рынка. Кризис 2026 года, очевидно, эту тенденцию только усилит, и почти все азиатские страны постараются снизить свою зависимость от стран залива.

Для Катара это вдвойне плохая новость с учетом отмеченных выше масштабных планов ввода новых мощностей (+83% к уровню 2025 года). Из них, по разным оценкам, законтрактовано пока только около 40–45%, в основном КНР и Индией. Чтобы найти

покупателей на остальное, Катару теперь придется постараться, в том числе предлагая более низкие цены и гибкие контрактные условия. Схожие проблемы будут и у ОАЭ, которые намереваются увеличить к 2030 году свои годовые мощности на 9,6 млн тонн, то есть в 2,6 раза к мощностям 2025 года.

Пострадает ли Европа?

Как уже отмечалось, Европа в целом мало зависела от поставок СПГ из Персидского залива и в основном ориентирована на рост поставок СПГ из США как основного источника восполнения и увеличения импорта. Поэтому основная проблема для нее не столько дефицит газа, сколько рост спотовых цен – из-за особенностей европейского ценообразования цены для потребителей значительно больше зависят от конъюнктуры спотового рынка, чем в среднем в Азии.

ЕС закончил отопительный сезон с запасами активного газа в ПХГ

Приемный СПГ-терминал в Зебрюгге, Бельгия

на уровне 29 млрд м³ по сравнению с 35 млрд м³ 2025 году и 61 млрд м³ в 2024-м. Это означает, что до 1 ноября даже для достижения далеко не выдающегося результата прошлого года (86 млрд м³) нужно закачать в хранилища на 6 млрд м³ больше, чем годом ранее. Больше Евросоюз закачивал только в аномальный 2022 году. Это само по себе вызов.

Война в Персидском заливе создала дополнительную проблему в виде роста цен. Дело даже не в самом уровне цен, а в том, что следующей зимой цены могут оказаться ниже, чем в апреле-октябре, что ломает здоровую экономику ПХГ: закачивать газ, когда он дешевле, чтобы потом продать дороже. На практике, вопреки нормативам ЕС, энергетические компании и трейдеры скорее всего весьма вяло начнут сезон закачки, и потребуются решительные действия правительств, чтобы их стимулировать. В конечном счете это создает риск накопления еще меньших запасов к зиме 2026/2027 годов, чем было этой зимой со всеми рисками для прохождения отопительного сезона.

Многое также зависит от выработки ветровой и гидрогенерации. В 2025 году именно их снижение привело к росту производства газовой генерации в ЕС на 8,6% г/г, показав лучший результат с 2022 года. Этому также способствовало временное увеличение использования газа в Испании для регулирования напряжения в сети после блэ-

аута 28 апреля 2025 года. В 2026-м эти факторы, вероятно, перестанут действовать, и рост спроса на газ зависел бы от снижения цен, которое не произошло. Если цены в ближайшие месяцы останутся высокими, это ударит по востребованности ТЭС. На розничном рынке, если кризис затянется до летнего пика потребления электроэнергии, возможно возвращение отдельных стран ЕС к субсидиям на электроэнергию со стороны государства по аналогии с 2022–2023 годами.

Выгоды и риски для России

Нарастить в 2026 году поставки российского СПГ дополнительно относительно докризисных ожиданий, по нашей оценке, возможно в пределах 2–3 млн т/г за счет дозакладки завода «Ямал СПГ»: на большее не хватит доступного флота, не говоря уже о рисках вторичных санкций для покупателей. Но даже такой рост пока не гарантирован.

Однако долгосрочные положительные последствия для России намного превышают краткосрочные выгоды от роста цен и увеличения поставок. В пылу украинского кризиса многие забыли, что, начиная с нефтяных шоков 1970-х, именно советский, а затем постсоветский энергетический экспорт (Россия, Казахстан и Азербайджан) страховал мировой рынок от проблем в Персидском заливе.

Поэтому любые перебои в поставках из Персидского залива и сомнения в их долгосрочной надежности – это прямое стимулирование спроса на российские сырьевые товары и их производные: помимо углеводородов это аммиак, карбамид, гелий, алюминий, полимеры и отчасти сталь. Причем основное воздействие будет не быстрым: и российское производство медленно реагирует на изменение конъюнктуры, и потребителю не так просто пересмотреть свою импортную корзину. Кроме того, раньше Россия, в том числе на рынке газа, «страховала» преимущественно соседнюю Европу, а теперь – Азию, что означает совсем иную логистику, особенно учитывая санкционное давление.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА ТЕОРЕТИЧЕСКИ ПОВЫШАЮТ СПРОС НА РОССИЙСКИЕ УГЛЕВОДОРОДЫ, НО РЕАКЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ БЫСТРОЙ

Россия – наиболее очевидный дополнительный источник предложения газа в мире. Но быстро нарастить поставки можно только в Европу, а страны ЕС явно не намерены пересматривать свое решение об эмбарго. Заметное увеличение поставок СПГ потребует нескольких лет существенных усилий – по устранению дефицита флота, особенно газовозов ледового класса, и завершению строительства хотя бы начатых линий («Усть-Луга СПГ» и 3-я очередь «Арктик СПГ 2»).

Смягчение ограничений со стороны США, как уже отмечено, пока выглядит маловероятным, поскольку российский СПГ выступает прямым конкурентом новым СПГ-заводам в Мексиканском заливе и сдерживать его рост США объективно выгодно. На рынке нефти такого выраженного экономического интереса к снижению российского экспорта у США нет.

Еще одним непрямым, но важным последствием кризиса

Для наращивания мощностей СПГ России потребуется несколько лет больших усилий

в Персидском заливе может стать рост заинтересованности КНР в российском трубопроводном газе, включая реализацию проекта «Сила Сибири 2».

А что с экспортом самого Ирана?

Доступные сейчас трубопроводные маршруты поставок российского газа работают почти на максимуме. Дополнительный (сверх докризисных ожиданий) рост возможен в основном в Турцию, если она лишится части или всего иранского газа: на Иран в 2025 году приходилось 13,5% турецкого газового импорта. Иран ранее уже не раз прерывал поставки газа в Турцию из-за террористических актов со стороны курдов или чаще просто в силу дефицита на внутреннем рынке, который в Иране носит глубокий и хронический характер, особенно в зимние месяцы. В 2025 году Иран, по данным EPDK, поставил в Турцию 7,8 млрд м³. Российский экспорт в Турцию намного больше – 21,2 млрд м³ в 2025 году, но он стагнирует уже несколько лет. Кризис в Персидском заливе открывает редкий шанс его существенно нарастить.

Для самого Ирана природный газ – настоящая «кровь» экономики, на него приходится почти 70% потребления первичных источников энергии (выше только в Катар, Омане, Туркмении,

Узбекистане и Тринидаде и Тобаго) и более 85% электрогенерации – невероятно высокая величина по мировым меркам. В России, одном из лидеров по газоемкости экономики, для сравнения эти показатели, согласно международной статистике, составляют 45% и 54% соответственно. При этом газовая инфраструктура Ирана, особенно перерабатывающие и транспортные мощности, как оказалось в ходе боевых действий в марте 2026 года, уязвимы для воздушных атак не менее, чем производство СПГ в Катар.

Почти весь добываемый в Иране газ идет на покрытие потребностей огромного и дефицитного внутреннего рынка. В 2026 году потребление могло составить 265 млрд м³. Его рынок четвертый по величине в мире после США, России и КНР.

ПЕРЕБОИ С ЭКСПОРТОМ ГАЗА ИЗ ИРАНА ОТРАЗИТСЯ ТОЛЬКО НА ИРАКЕ, ТУРЦИЯ ЛЕГКО НАЙДЕТ ЗАМЕНУ, А МИРОВОЙ РЫНОК ИХ ПРОСТО НЕ ЗАМЕТИТ

Экспорт газа Иран осуществляет только в Ирак и Турцию. Турции не сложно заместить его российским газом, что ранее уже бывало, Ирак в случае новых перебоев, какие уже отмечались в марте 2026 года, ждет существенный дефицит – импорт из Ирана покрывал более 40% всего товарного потребления. Но на мировом рынке газа возможное снижение добычи в Иране почти не скажется – с ним его связывает только тонкая нить поставок в Турцию, поскольку и Иран, и Ирак, по сути, изолированы от международной газовой торговли. ●

